

Его предсказание оказалось удивительно точным. Едва минуло пятое число первого месяца, как к арке «Цзигун Хаои» подъехала самая обычная крытая черная повозка. Проезжать под аркой в экипажах просым людям не полагалось, поэтому сидевший внутри человек выпрыгнул наружу, подошел прямо к воротам, над которыми висела табличка с императорским указом, постучал и передал ярко-красную визитную карточку.

На конверте были скромно отпечатаны всего несколько слов: «Цзяньху Се из Цзиньивэй», но переполошилась вся семья Цуй. Цуй Се вышел из кабинета в западном крыле и посмотрел на редкое для зимы чистое лазурное небо. Его охватило странное ощущение смутной нереальности происходящего.

Молодой господин Ван заключил пари просто так, наобум — и как только оно сбылось? Сам Цуй Се отправил лишь безделушку ценностью от силы в пять-десять лянов, а семья цянху Се прислала ответные подарки за тысячи ли?

Постояв немного на улице и глубоко вдохнув морозного воздуха, Цуй Се вошел в приемный зал. Се Шань поспешно поставил пиалу с чаем, поднялся, отвесил поклон и с глубоким почтением произнес:

— Маленький человек Се Шань, личный слуга Се Ин, цянху Переднего полка Цзиньивэй. Сегодня по приказу господина я прибыл, чтобы вручить вам кое-какие вещи, молодой господин.

Он подал письмо и опись подарков от цянху Се, улыбаясь:

— Наш господин чрезвычайно доволен портретом, который вы прислали. Он специально велел мне купить для вас лучшие краски и белый шелк, чтобы вы и дальше радовали его превосходными картинами. Мне тоже посчастливилось взглянуть на ту работу — словно в зеркало смотришь! А если брать только черты лица, так вы изобразили нашего цянху даже еще красивее, чем он есть на самом деле!

Цуй Се сдержанно улыбнулся. Уголки его губ едва двинулись, лишь в глазах блеснули радостные искры. Он скромно заметил:

— Ну что вы. Это Се Ин обладает столь непревзойденным обликом, а некий Цуй не смог передать и третьей доли его душевного величия.

Се Шань мысленно сравнил мягкого и утонченного красавца на портрете с тем, как выглядел их хозяин, выезжая по делам во главе всадников в красном — с улыбкой, от которой кровь стыла в жилах, — и решил, что гость просто излишне скромничает. Слуга принялся засыпать его похвалами:

— Молодой господин, вы слишком скромны! Наш цянху видал немало работ знаменитых мастеров, неужели он не смог бы разглядеть, что ваша картина куда лучше, чем та известная красавица Цуй из Цянъяня? Он теперь хранит портрет у себя и никому не разрешает смотреть! Я и сам видел на рынке подделки «Четырех красавиц», но им и в малейшей степени не сравниться с тем портретом, что вы написали для нашего цянху.

Цуй Се чуть не подскочил с кресла. Из последних сил заставив себя сидеть ровно, он застыл и натянуто переспросил:

— Красавица Цуй?

Се Шань кивнул:

— Я поначалу грешным делом подумал, а не приходится ли красавица Цуй вам родственницей. В столице те, кто торгует «Четырьмя красавицами», болтают разное: одни говорят, будто красавица Цуй — тайная владелица книжной лавки «Чжижун», другие — что она любимая наложница хозяина. Молодой господин, вы случайно не знаете, как все обстоит на самом деле?

Красавица Цуй... Хозяин Цуй повернул голову к унылому зимнему двору за дверью, слегка прокашлялся и одеревеневшим голосом произнес:

— Эта красавица Цуй — лишь нелепые слухи, ходящие в народе, на самом деле никакой красавицы не существует. Я прожил в Цяньане несколько месяцев, как же мне не знать правды? «Четыре красавицы» — работа одного известного мастера. Книжная лавка «Чжижун» случайно заполучила эти картины и просто отпечатала их на бумаге для писем. Если цяньху Се они по душе, у меня дома припрятано еще несколько комплектов. Забери их с собой и передай господину.

Се Шань спешно поклонился и с сияющей улыбкой ответил:

— Мой господин получил ваш портрет, разве станет он теперь смотреть на какую-то бумагу с красавицами! Впрочем, настоящая Бумага красавиц из Троецарствия в столице — величайшая редкость. Позвольте мне проявить наглость и с благодарностью принять ваш дар.

Поначалу он думал только о бумаге с картинками. Получив листы, он остался перекусить, выпил крепленой водки из запасов семьи Цуй, и только тогда вспомнил про рецепт вина, переданный Цуй Се в прошлом.

Цяньху Се велел ему следить за этим делом целых полгода! Раз уж все исполнено, как не выслужиться?

С хмелем в голове слуга вновь попросил аудиенции у Цуй Се и с преувеличенным жаром заговорил:

— Наш господин еще полгода назад приказал в поместье опробовать ваш рецепт, жаль только, до полной готовности не хватает месяца-другого, а не то я бы привез вам бутылку уже сегодня. Господин непрестанно помнит о вас, ни на миг не забывает! Я вот на днях смотрел на ваш портрет и думал: до чего ж досадно — ну почему на нем изображен наш господин! Какая ему польза смотреть на самого себя? Пришлось убрать картину в сундук. А вот будь это ваш портрет, он бы наверняка повесил его на самую видную стену!

...Повесить дома собственный портрет — это еще куда ни шло, но вешать портрет другого мужчины — это же стыд и позор!

Цуй Се даже не знал, с чего начать возмущаться. Впрочем, подумав о том, что цяньху Се помнил о его вине вовсе не из-за подарка молодого господина Вана, а сам по себе, он почувствовал, как в груди потеплело. Передав Се Шаню наспех написанное письмо, Цуй Се с улыбкой сказал:

— Покорнейше прошу передать цяньху Се, что я тоже помню его напутствия и ни на день не заставляю себя лениться в учебе. Надеюсь на скорую встречу в столице.

Проводив Се Шаня, он оставил себе лишь кувшин виноградного вина и присланные краски, а остальные яства лично отбыл сопроводить в усадьбу командира Вана.

Ван Сянчжэнь, увидав такое изобилие подарков, возомнил себя Чжугэ Ляном, перехитрившим Сыма И, и весело произнес:

— А я так и знал, что он отправит к тебе отдельного человека! Эти вещи ты явно отбирал сам, а что же ты оставил себе? Не поделишься с братом?

Цуй Се совершенно искренне ответил:

— Разумеется, я отдал то, что брату Вану без надобности. В свое время я преподнес цянху Се портрет, а он, зная, что я увлекаюсь живописью, побоялся, что у меня не хватит денег на хорошие краски, и прислал мне немного материалов.

Ван Сянчжэнь поцокал языком:

— До вещей, которыми пользуетесь вы, книжники, моему уму вовек не додуматься. Ну да ладно! Я ведь пришел сказать тебе огромное спасибо. Из столицы притопали вести: ваши четыре портрета красавиц чрезвычайно пришлись по душе тунчжи Чэню. Глядишь, в ближайший год-два у моего батюшки появится шанс продвинуться с должности командира Правого караула Синтунь!

Цуй Се поспешно поднялся, сложил руки в приветствии и с улыбкой сказал:

— В таком случае от всей души поздравляю вашего почтенного родителя!

Молодой господин Ван отмахнулся:

— И тебя поздравляю! Если нас переведут, я первым делом освобожу для тебя двор за книжной лавкой, чтобы тебе не приходилось тесниться вместе с мастеровыми. Кстати, твои книжицы «Четыре красавицы» в этом году раздаривали слишком многие, скоро они потеряют новизну. Когда думаешь выпускать что-то свежее?

В прошлом году планировать было легко, а в этом времени катастрофически не хватало. К тому же господин Линь изо дня в день требовал от него прилежной учебы и больше не снабжал новыми рукописями. Печатать пока было решительно нечего.

Цуй Се размыслил немного и спросил:

— Брат Ван хочет книгу для собственного чтения или в подарок? Если для подарка, то не так давно я поднес нашему старшему господину несколько переписанных от руки списков «Алмазной сутра», и сейчас подумываю отпечатать тираж, чтобы удобно было дарить на праздники. А если для себя — придется подождать, пока я не найду подходящую рукопись.

Молодой господин Ван развел руками:

— Я не люблю ни читать книги, ни читать каноны, ты меня прямо в тупик ставишь! На улицах полно всяких повестей да романов. Возьми любую да добавь туда картинок с красавицами, вот и печатай!

«Ну уж нет, у меня есть принципы. Печатать нужно только то, что не вызовет авторских споров».

Вернувшись, он обсудил дело с управляющим Цзи. Управляющий Цзи хлопнул по столу и воскликнул:

— Да зачем нам новые рукописи! Никакая новинка не сравнится по продажам с «Троецарствием»! С вашим-то мастерством, молодой господин, нарисуйте старых добрых ста восьми героев Троецарствия — раскупать будут куда лучше, чем «Четыре красавицы»!

«Это у "Речных заводов" сто восемь героев...»

Цуй Се качнул головой, тихо усмехнулся и утвердил план: в ближайшем будущем печатать «Алмазную сутру» и «Троецарствие». Изданий этих книг на рынке хватало с избытком, им даже не требовалось вырезать резные доски заново — достаточно было купить готовый выверенный комплект печатных досок в другой лавке и добавить свои иллюстрации.

Когда они утвердили издательский план, Цуй Се спросил:

— А как продвигается подсчет голосов за первую красавицу в «Записках о собранных ароматах»? Если отрыв очевиден, я сразу возьмусь за рисунок.

Управляющий Цзи погладил бороду и прищурился:

— Ваша милость, я велел пересчитывать каждый день. С большим отрывом лидирует Ваньнин — за нее отдали четыреста десять голосов! Остальные три отстают на тридцать-сорок голосов, к празднику Юаньсяо им ее уже не догнать. Как тонко вы все рассчитали, молодой господин! Отпечатали подарочных рисунков с Ваньнин на треть меньше остальных. Хотя ее бумага и вышла раньше, покупатели увидели, что редкую карточку из книги собрать сложнее, и вспыхнули к ней еще большим желанием!

Цуй Се удовлетворенно улыбнулся и пообещал нарисовать главную иллюстрацию без промедления, велел управляющему готовить все необходимое к печати после праздников.

Когда управляющий Цзи ушел, улыбка на лице Цуй Се угасла. Он посмотрел на чистый лист и тихо вздохнул:

— Жаль, что фанаты спорят без привязки к глубокому сюжету. Вот если бы в одной книге столкнулись Белая и Красная розы — вот тогда началась бы настоящая кровавая буря, и фанаты плакали бы, но смиренно несли свои денежки.

Эх, найти бы хорошего сочинителя, чтобы тот переписал скучные ходульные истории и вдохнул в них новую жизнь...

За праздники он нарисовал немало иллюстраций и даже успел доработать пособие «Парные изречения из Четверокнижия». После нескольких месяцев подобных отрывочных упражнений он научился цитировать Четверокнижие задом наперед. Достаточно было назвать пару иероглифов, как он тут же вспоминал главу, раздел и предыдущую с последующей фразы, и ему больше не требовалось мысленно прокручивать текст с самого начала.

<http://bllate.org/book/18372/1761286>